

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ СБОЕВ В ДИАЛОГЕ «ШКОЛЬНИК-ВЗРОСЛЫЙ»:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ УЧЕНИКОВ 3-4 КЛАССА С
ВЫСОКИМ *VS.* НИЗКИМ УРОВНЕМ ПОНИМАНИЯ ПЕЧАТНОГО ТЕКСТА

Кудрявцева Марина Максимовна (mrnkudrik@gmail.com)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный педиатрический университет» Министерства
здравоохранения Российской Федерации
Санкт-Петербург, Россия

Abstract: In this study, we focused on 3rd-4th-grade students (Russian L1 speakers) with normal non-verbal IQ and high *vs.* low level of comprehension of written texts. The subjects were assessed by *Russian Assessment Instrument for Narratives* that included storytelling and retelling and answering comprehension questions. Then, a corpus of the given data was developed according to CHAT rules. Statistical comparative analysis revealed that the dialogue genre was the most impacting, while the level of written text comprehension had only minimal influence on the distribution of linguistic dysfluencies.

Key words: corpus-based analysis, linguistic dysfluency, dialogue, narrative, primary school age.

1. Введение

Феномен речевого сбоя известен с начала исследований устной речи: хезитации, самоповторы, самокоррекции, фальстарты и другие речевые сбои приводят к нарушению плавности речевого потока, иногда становятся причиной коммуникативной неудачи. В англоязычной литературе, посвященной данному феномену, изначально употреблялся термин *maze* [Loban 1976], однако он более уместен в обсуждении письменной речи. В работах, посвященных анализу устной речи, все чаще встречается термин *linguistic dysfluency*; в отечественной литературе его переводят как «речевые сбои» - «нарушения плавного развертывания речевого потока» [Подлеская, Кибрик 2006: 7]. Чаще всего речевые сбои классифицируют на следующие типы и подтипы [Fiestas et al., 2005; Balčiūnienė 2013; Balčiūnienė, Kornev, 2016a, 2016b, 2016c; Kornev, Balčiūnienė, 2017; Слабодкин, Федорова, 2018; и др.]:

1. Хезитации (*hesitations*):

1.1. Незаполненные хезитации (паузы) (*unfilled hesitations*), например,

(1) Козленок (.) подошел к маме.

1.2. Заполненные хезитации (филлеры) (*fillers*), например,

(2) Ну@fill козленок ммм@fill подошел к маме.

2. Самоповторы (*repetitions*):

2.1. Повтор части слова (*repetition of part-of-word*), например,

(3) Козленок нач- [/] начал тонуть.

2.2. Повтор слова (*repetition of word*), например,

(4) Козленок начал [/] начал тонуть.

2.3. Повтор фразы или группы слов (*repetition of string-of-words*), например,

(5) Козленок начал [/] козленок начал тонуть.

3. Самокоррекции (*revisions*):

3.1. Фонетические самокоррекции (*phonological revisions*), например,

(6) Она стала прогонять лизу [//] лису.

3.2. Лексические самокоррекции (*lexical revisions*), например,

(7) Она стала лететь [//] прогонять лису.

3.3. Грамматические самокоррекции (*grammatical revisions*), например,

(8) Она стал [//] стала прогонять лису.

4. Фальстарты (*false starts*), например,

(9) И +//.

5. Незавершенные высказывания (*incomplete utterances*): например,

(10) Собака погналась за +//. И тут прилетела птичка мама.

Исследования английского языка показали, что речевые сбои характерны для всех говорящих, более того, их количество у человека увеличивается по мере взросления [Evans, 1985]. Более ранние исследования выявили достоверные различия по частотности и распределению речевых сбоев между типично развивающимися детьми и детьми со специфическими нарушениями речевого развития (*specifically language impaired children*) [Guo *et al.*, 2008]. Другие исследования показали, что у людей, владеющих несколькими языками, нарушение плавности речи проявляются сильнее, чем у монолингвов [Fiestas *et al.*, 2005]. На количество и распределение речевых сбоев также влияют некоторые социопрагматические характеристики [Bortfeld *et al.*, 2001] и жанр дискурса [Подлеская с соавт. 2019].

В отечественной литературе обсуждаются особенности речевых сбоев (или отдельных их типов) у детей дошкольного [Balčiūnienė, Kornev, 2016a, 2016b, 2016c; Kornev, Balčiūnienė, 2017], среднего и старшего школьного возраста [Подлеская, Кибрик, 2006; Подлеская, 2004; Слабодкин, Федорова, 2018], а так же – у взрослых [Русакова, 2007; Подлеская с соавт. 2019]. Однако, феномен речевых сбоев остается малоисследованным у русскоговорящих детей с той или иной патологией развития.

Предмет нашего исследования – особенности речевых сбоев у школьников (учеников 3-4 кл.) в диалоге со взрослым. Как известно, в ходе спонтанного разговора говорящие нередко переходят с одного жанра на другой, т.е. спонтанный разговор включает в себя отдельные пассажи повествовательного, описательного собственного-диалогического и др. характера. В данном исследовании проанализированы речевые данные, полученные в смоделированной ситуации диалога «школьник-взрослый», часть которых составляет собственно диалог (*вопросно-ответный диалог*) с высокой реципрокностью участников, а другая часть – повествование (*нарратив*), где участие взрослого сокращено до минимума. Предполагалось, что речевые сбои чаще возникают в пассажах повествовательного характера, когда ребенок, рассказывая или пересказывая историю, опирается, в основном, на свои языковые знания и не может воспользоваться коммуникативной или языковой помощью взрослого партнера. Поскольку низкое понимание текста нередко является следствием нарушения развития устной речи, предполагалось, что речевые сбои чаще возникают у детей с низким пониманием печатного текста, чем у сверстников с высоким показателем данного параметра.

2. Методы и материалы

2.1. Для формирования групп испытуемых предварительно было проведено обследование по методике оценки понимания печатного текста. В первом задании данной методики испытуемым (всем ученикам 3-4 кл. одной школы г. СПб.) предлагалось прочитать текст, а затем ответить на 4 вопроса. Каждый вопрос содержал 4 варианта ответа, один из них

правильный. Во втором задании испытуемые должны были прочитать деформированный текст, а затем выбрать правильную последовательность его предложений из 4 предложенных вариантов. Ученики, выполнившие методику безошибочно, были отобраны для основного исследования как хорошо понимающие печатный текст и составляли т.н. группу «хорошо понимающих» (*good comprehenders*) – XII. Наличие более одной ошибки определяло ученика в т.н. группу «плохо понимающих» (*poor comprehenders*) – XIII.

2.2. Отобранные представители группы XII (15 чел.) и XIII (19 чел.) были обследованы с помощью методики «Russian Assessment Instrument for Narratives» – RAIN [Kornev, Balčiūnienė 2014, 2017]. Каждый испытуемый выполнил две задачи: рассказ и пересказ истории по серии картинок. Как после рассказа, так и после пересказа испытуемому задавалось 10 стандартных вопросов понимания сюжета нарратива. Вся речевая деятельность каждого испытуемого была записана на диктофон, затем транскрибирована и обработана с помощью программы СНАТ. Таким образом были получены два подкорпуса диалогов «школьник-взрослый»: повествование (рассказы и пересказы) и собственно диалоги (вопросно-ответные диалоги, проверяющие понимание сюжета рассказа, пересказа). Аннотация речевых сбоев (как и весь корпусной материал целиком) прошел двойную проверку (*double-checking*) экспертов (лингвиста и психолингвиста). В ходе анализа были выявлены индивидуальные показатели речевых сбоев; далее был проведен сравнительный статистический анализ, который позволил оценить влияние а) уровня понимания печатного текста и б) жанра диалога на частотность и распределение речевых сбоев.

3. Результаты

3.1. Влияние понимания печатного текста на частотность и характер речевых сбоев

Статистический сравнительный анализ выявил только одно межгрупповое различие в частотности речевых сбоев в нарративе. Дети, плохо понимающие печатные тексты, повторяли группы слов достоверно чаще ($p = 0,032$) своих сверстников, хорошо понимающих печатный текст.

В диалоге детей выявлено также одно межгрупповое различие: дети, плохо понимающие печатные тексты, достоверно чаще ($p = 0,001$) не завершали своих высказываний, по сравнению со сверстниками, хорошо понимающими печатный текст.

Таким образом, можно предполагать, что хорошее vs. плохое понимание печатного текста почти не влияет на количество и распределение речевых сбоев, как в нарративе, так и в диалоге со взрослым.

3.2. Влияние жанра на частотность и характер речевых сбоев

Статистический сравнительный анализ частотности и распределения речевых сбоев в разных жанрах диалога (нарратива и вопросно-ответного диалога) – наоборот – выявил достоверные различия в обеих группах детей.

Таблица 1. Частотность и распределение речевых сбоев в *вопросно-ответном диалоге vs. нарративе* у детей, *хорошо* понимающих печатный текст

Параметры	Диалог		Нарратив		<i>p</i>
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	
1. Количество незаполненных хезитаций на одно слово	0,148	0,134	0,132	0,072	0,012
1.1. % заполненных хезитаций среди всех хезитаций	0,118	0,125	0,073	0,066	0,002
1.2. % незаполненных хезитаций среди всех хезитаций	0,030	0,019	0,059	0,036	0,002
2. Количество самоисправлений на одно слово	0,010	0,010	0,012	0,013	н.д.
4. Количество самоповторов на одно слово	0,015	0,016	0,002	0,004	0,009
5. Количество фальстартов на одно слово	0,058	0,046	0,009	0,011	0,001
6. Количество незавершенных высказываний на одно слово	0,015	0,014	0,001	0,002	0,002

В группе детей, хорошо понимающих печатный текст (Табл. 1), количество незаполненных хезитаций (пауз) достоверно ($p = 0,012$) выше в вопросно-ответном диалоге чем в нарративе. Кроме того, заполненные хезитации (филлеры) намного чаще встречаются в диалоге ($p = 0,002$), а паузы – в нарративе ($p = 0,002$). В диалоге детей, хорошо понимающих печатный текст, также достоверно чаще встречаются самоповторы ($p = 0,009$), фальстарты ($p = 0,001$) и незавершенные высказывания ($p = 0,002$).

В группе детей, плохо понимающих печатный текст (Табл. 2), получены очень похожие результаты, как и в группе детей, хорошо понимающих печатный текст. Заполненные хезитации (филлеры) намного чаще встречаются в диалоге ($p = 0,000$), а паузы – в нарративе ($p = 0,000$). В диалоге детей, хорошо понимающих печатный текст, также достоверно чаще встречаются самоповторы ($p = 0,003$), фальстарты ($p = 0,000$) и незавершенные высказывания ($p = 0,000$). Количество незаполненных хезитаций (пауз) достоверно ($p = 0,007$) выше в вопросно-ответном диалоге чем в нарративе.

Таблица 2. Частотность и распределение речевых сбоев в *вопросно-ответном диалоге vs. нарративе* у детей, *плохо* понимающих печатный текст

Параметры	Диалог		Нарратив		<i>p</i>
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	
1. Количество незаполненных хезитаций на одно слово	0,146	0,083	0,154	0,110	0,007
1.1. % заполненных хезитаций среди всех хезитаций	0,113	0,068	0,083	0,060	0,000
1.2. % незаполненных хезитаций среди всех хезитаций	0,033	0,022	0,071	0,051	0,000
2. Количество самоисправлений на одно слово	0,009	0,013	0,014	0,015	н.д.
4. Количество самоповторов на одно слово	0,030	0,034	0,003	0,003	0,003

5. Количество фальстартов на одно слово	0,072	0,047	0,008	0,010	0,000
6. Количество незавершенных высказываний на одно слово	0,045	0,031	0,004	0,009	0,000

Полученные нами результаты отличаются от результатов В.И. Подлесской с соавт. [2019], где частотность самоисправлений была выше в диалоге, а наше исследование выявило (как в группе XII, так и в группе III) – наоборот – более высокую частотность самоисправлений в нарративе. Возможно, это объясняется несовпадениями в методике; тем не менее, наше исследование подтвердило, что влияние жанра (вопросно-ответный диалог vs. нарратив) можно считать фактором, который влияет на частотность и распределение речевых сбоев намного сильнее, чем фактор хорошего vs. плохого понимания печатного текста.

4. Выводы

1. Хорошее vs. плохое понимание печатного текста учениками 3-4 кл. почти не влияет на частотность и распределение речевых сбоев в диалоге данных детей со взрослыми.
2. Жанр диалога (вопросно-ответный диалог vs. нарратив) достоверно влияет на частотность и распределение почти всех анализируемых речевых сбоев.

Исследование было поддержано грантом №18-18-00114 РФФ.

Список литературы

- Balčiūnienė I, Kornev A.N. (2016) Linguistic disfluencies in SLI children narrative discourse. In: Problems of Ontolinguistics-2016 materials of the annual international scientific conference. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen [Problemy ontolingvistiki materialy yezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg: RGPU im. A. I. Gertsena], pp. 401–408.
- Balčiūnienė I, Kornev A.N. (2016) Linguistic disfluency in children discourse: Language limitations or executive strategy? In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue-2016”, Moscow, pp. 59–72.
- Balčiūnienė I, Kornev A.N. (2016), Linguistic disfluency in story-telling. Evidence from Lithuanian- and Russian-speaking preschooler. *Pediatrician [pediatr]*, Vol. 7(1), pp. 142–147.
- Bortfeld H, Leon SD, Bloom JE, Schober MF, Brennan SE. (2001), Disfluency rates in conversation: Effects of age, relationship, topic, role, and gender. *Lang Speech*, Vol. 44(2) pp.123–47.
- Evans M. A. (1985), self-initiated speech repairs: A reflection of communicative monitoring in young children. *Developmental Psychology*, Vol. 21(2), pp. 365–371.

Fiestas Ch. E., Bedore L. M., Peña E. D., Nagy V. J. (2005), use of mazes in the narrative language samples of bilingual and monolingual 4- to 7-year old children, *ISB4: Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism*, Somerville, MA, pp. 731-739.

Guo Ling-yu, Tomblin J. B., Samelson V. (2008), speech disruptions in the narratives of English-speaking children with specific language impairment. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, Vol. 51(3), pp. 722–738.

Kornev AN, Balčiūnienė I. (2014) Story (re-)telling and reading in children with dyslexia: Language or cognitive resource deficit? In: *LSCD 2014: Workshop on Late Stages in Speech and Communication Development*. London: UCL; pp. 23–6.

Kornev, A. N., Balčiūnienė, I. (2017). Fictional narrative as a window to discourse development: A psycholinguistic approach. In: J. Badio (Ed.). *Events and Narratives in Language*. Frankfurt am Main, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien: Peter Lang Publishing, pp.171–188.

Loban, W., *Language Development: Kindergarten through Grade Twelve*. NCTE Committee on Research Report No. 18. National Council of Teachers of English, Urbana, Ill, 1976.

Podlesskaya V.I, Kibrik AA. (2006), Correction in spoken Russian monologue according to corpus research. *Russian language in scientific coverage*. [Korreksiya v ustnoy russkoy monologicheskoy rechi po dannym korpusnogo issledovaniya. Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii.], Vol.12 (2) pp. 7–55.

Podlesskaya V.I, Kibrik AA. (2007) The speaker’s self-correction and other types of speech malfunctions as an object of annotation in the bodies of oral speech [Samoispravleniya govoryashchego i drugiye tipy rechevykh sboev kak ob"yekt annotirovaniya v korpusakh ustnoy rechi] *Scientific and technical information Series 2 Information processes and systems* [Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya Seriya 2 Informatsionnyye protsessy i sistemy], Vol. 2, pp. 1–39.

Podlesskaya V.I. (2014) “That is, they did not kill, but stabbed with a saber”: the speaker’s self-correction in oral stories. [«To yest', ne ubili, a zarezali sabley»: samoispravleniya govoryashchego v ustnykh rasskazakh] In: *Computational Linguistics and Intelligent Technologies Based on the materials of the annual International Conference “Dialogue- 2014”* [Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii Po materialam yezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii “Dialogue-2014”], Moscow, pp. 547–61.

Podlesskaya V.I., Korotayev N.A. Mazurina S.I. (2019), Independent problems of a speaker in Russian monologue and dialogue discourse: the experience of corpus research [Podlesskaya V.I., Korotayev N.A., Mazurina S.I. Nezavisimyye problemy govoryashchego v monologicheskoy i dialogovom diskurse russkogo yazyka: opyt korpusnogo issledovaniya], *Computer Linguistics and Intellectual Technologies: based on the materials of the international conference Dialog-2019*

[Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoy konferentsii Dialog-2019], Moscow, pp. 493-507

Rusakova M.V.(2007) Failures in the generation of a word form in spoken language as a result of spontaneous interaction of strategies and mechanisms [Sboi pri porozhdenii slovoformy v ustnoy rechi kak rezul'tat spontannogo vzaimodeystviya strategii i mekhanizmov] In: Asinovsky A.S, Bogdanova N.V, editors. Materials of the XXXVI International philological conference Issue 20 Field linguistics Integrated modeling of the sound form of natural languages March 12-17 [Materialy XXXVI Mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii Vypusk 20 Polevaya lingvistika Integral'noye modelirovaniye zvukovoy formy yestestvennykh yazykov 12-17 marta], St. Petersburg; pp. 59–71.

Slabodkina TA, Fedorova O.V.(2018), Speech disruptions in the dialogs of Russian-speaking children 10-12 years old (experimental study) [Rechevyye sboi v dialogakh russkoyazychnykh detey 10–12 let (eksperimental'noye issledovaniye)]. Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. Herzen [Izvestiya RGPU im A I Gertsena],pp.189: 153-60.